

НЕДАВНИЕ гастроли в Киеве Малого театра были ознаменованы премьерой спектакля по пьесе Леонида Зорина «Гости», на которую специально приехал автор. Мы попросили известного советского драматурга ответить на ряд вопросов.

— Премьера «Гостей» прошла в Киеве с большим успехом. И, даже не потому, что долго аплодировали, много раз вызывали режиссера и актеров. Тишина, при которой шел спектакль, была такой, какую только может пожелать себе драматург и театр. А ведь у пьесы, кажется, нелегкая судьба?

— Это так. Я задумал ее в пятьдесят втором году, а написал весной, пятьдесят третьего. Тогда же выдающийся советский режиссер Андрей Лобанов поставил ее в театре имени М. Ермоловой. Но состоялся всего один спектакль. Пьеса была запрещена с соответствующими оргвыводами, Лобанова вынудили оставить театр.

— Возможно, она появилась слишком «рано». Совершенно ясно, что пьеса направлена против культа личности, его разлагающего влияния на души. Ведь в пятьдесят третьем люди находились под магией имени «вождя и учителя народов».

— Не все. Были и такие, кто вполне трезво мог оценить и связать то, что происходило вокруг, с личностью Сталина. Уже тогда я знал таких людей — думающих, способных анализировать. В чем-то и мое понимание этой фигуры претерпело эволюцию. Я прошел этот путь вместе с другими моими соотечественниками. XX съезд партии не мог возникнуть, как говорится, на голом месте. Были люди, которые его готовили и которые (их было еще больше) восприняли его идеи, оказали моральную поддержку. Миф о всеобщей любви к «вождю и учителю» не имеет под собой почвы.

Более двадцати лет назад я написал киносценарий «Закон». В шестидесятых годах его собирались снимать Алов и Наумов. Но сделать это не удалось, съемки запретили. И вот только теперь режиссер Владимир Наумов приступил к его постановке. Его герои — молодые следователи, которые

занимались делами репрессированных. Совсем непростое пришлось вчерашним студентам-юристам. О трагедии своего народа они узнали значительно раньше пятьдесят шестого года и узнали не по слухам, не из десятых рук, а, как говорится, из первоисточников.

Какие выводы мог сделать честный, думающий человек, миллионы семей репрессиро-

го человека, друга Хохлова, Халатова, Лаврова. Кстати, этими выдающимися театральными деятелями Марсель Павлович был приглашен заведовать литературной частью театра имени Леси Украинки, переживавшего тогда свой расцвет. За то, что он повел себя, как велел ему его профессиональный и человеческий долг, Городисский был исключен из коллегии адвокатов, ли-

псье «Транзит», поставленный Б. Львовым-Анохиным, в котором блистательно сыграли Ада Роговцева, Ирина Бунина, Николай Рушковский, Ирина Дука и который чрезвычайно тепло был принят публикой на общественном просмотре, закрыл тогдашний министр культуры республики Романовский.

Знаете, доставалось мне за все пьесы, но всегда после то-

годнее и полезнее для здоровья, нежели делать что-то понастоящему серьезное. Ведь это серьезное и отдачи требует серьезной.

— А что для вас в нынешней ситуации оказалось неожиданным?

— Неожиданностей в общем-то нет. Те силы торможения перестройки, которые должны были сопротивляться, проявили себя. Письмо Нины Андреевой — символ этих сил. Понятно, что по мере продвижения по пути перестройки, они будут оказывать сопротивление.

Тут, мне кажется, проблема в другом. Насколько нам самим хотелось быть готовыми к перестройке. Чисто по-человечески. Не одно десятилетие ушло на то, чтобы отучить человека от привычки думать. И кое-что в этом направлении, увы, было достигнуто. Каждый из нас сталкивался с такими фактами, когда люди не желают принимать самостоятельных решений, многие держатся за клише: прикажут — исполню, там, наверху, лучше знают.

Чиновники делают ставку на то, что «низзы» не захотят конфликта с начальством. А если находятся «беспокойные», на них ищут управу.

У каждого из нас должна быть позиция. Нельзя же так: скажут ругай — изругаем, скажут хвалить — захвалим. Время требует компетентности и раздумий, взвешенных действий.

— Над чем вы сейчас работаете?

— Заканчиваю работу над книгой «Злоба дня». Написал новую пьесу.

— Ну хорошо, давайте поставим вопрос по-другому. Когда Толстой писал «Войну и мир», он «любил мысль народную», «Анну Каренину» — «мысль семейную». Какую мысль любили вы, когда работали над последней пьесой?

— Человеческую. Нравственные качества, утрачиваемые подчас людьми, — это есть трагедия народа. Мы прежде всего должны быть людьми. В полном смысле этого слова.

Интервью взяла
Е. ПОЗДНЯКОВА.

ГОСТЬ КИЕВА

Леонид Зорин: Время человечности

ванных? Ведь люди годами мучительно размышляли над своей судьбой, судьбой близких... Уж коль «рукописи не горят», то мысль, если она родилась и сообщена другому, и подавно умереть не может. Но плодотворность ее, конечно, зависит во многом от того, в каких условиях она зародилась. Общественная погода была прохладной — и пришлось всем нам ждать потепления. Но семена то были брошены.

— А как, по-вашему, удалось в «Гостях» воспроизвести реалии времени?

— Владимир Андреев сознательно не стал делать спектакль в стиле модного ретро, так как не хотел, чтобы происходящее на сцене целиком было отнесено только к прошлому. Смее надеяться, что пьеса, несмотря на солидный 35-летний возраст, не потеряла своей актуальности... Быть может, к сожалению.

— Наблюдения ваши, понятно, накапливались, обдумывались. А что послужило толчком к написанию этого произведения?

— Дело киевского адвоката М. П. Городисского, образованнейшего, интеллигентнейше-

шен средств к существованию. Высокие нравственные истины, когда они прилагаются к собственному образу жизни, не могут быть удобными. С ними трудно, порой мучительно. Впрочем, это неблагоприятное дело пересказывать сюжеты собственных пьес. Мне приятно, что премьера «Гостей» состоялась в городе, где Марселя Павловича помнят многие.

— А что связывает вас с Киевом?

— Воспоминания. Например, о «Варшавской мелодии» с Адой Роговцевой. Этот спектакль по моей пьесе актриса сыграла около 700 раз. И когда меня спрашивают, кто лучшая Геля, я без колебаний называю Аду Николаевну. А ведь я видел много версий «Варшавской мелодии», которая широко ставилась и у нас, и за рубежом.

Кроме того, в Киеве в театре имени Леси Украинки шли мои пьесы «Друзья и годы», «Добряки», а в театре имени И. Франко — «Молодость».

Помнится и неприятное. Готовый спектакль по моей

го, как отсматривали «вредную» постановку. Романовский же, и это самое примечательное, закрыл спектакль, даже не побывав в театре. Надо ли удивляться, что постановочный коллектив не смог защитить свою работу: в ту эпоху такое было обычным делом. Это касалось не только театра. То же в экономике, социальной сфере. Работник ущемлялся, поскольку хозяином положения был чиновник.

— А что, на ваш взгляд, начало меняться?

— По моим наблюдениям, люди откровеннее, смелее, с большим чувством собственного достоинства делятся своими мыслями, отстаивают свою позицию. Престиж порядочности, откровенности стал расти.

Что касается искусства... И в годы стагнации работали честные художники. Но не они определяли погоду. А конформизма в литературе, искусстве было больше, чем где-либо. Многие из нашего брата желали жить хорошо и спокойно. Это гораздо удобнее, вы-